

Если Владыка дворца действительно поддастся искажению ци, в цзянху не найдется никого, кто сумел бы его сдержать.

Было страшно, безумно страшно.

Цзян Шэнлинь усмехнулся:

— Ладно, я все тебе не торопясь расскажу. Но пообедать все равно нужно. Напротив есть неплохая забегаловка, давай сходим туда съесть по миске лапши.

Собрав вещи, они спустились вниз и столкнулись со слугами из усадьбы Чжу, которые как раз несли подносы с едой. На восьмиугольном столе высились блюда из курицы, утки, рыбы и мяса, а также сезонные свежие овощи. Порции были небольшими, но приготовлено все было невероятно изысканно: яркие красные и белые капли напоминали цветы сливы на снегу, а аппетитный аромат чувствовался еще издалека.

— О, Божественный целитель Цзян, дева Лань, — Чжу Яньинь тоже спустился по лестнице. — Вы собрались пообедать?

Цзян Шэнлинь указал на противоположную сторону улицы:

— Хотим сходить к горе Сяоцан, съесть по миске лапши с соусом из лилейника.

— Сейчас туда идти — только время терять в очереди, многие ордены из цзянху любят эту лапшичную, — предложил Чжу Яньинь. — Если не брежете, присаживайтесь к нам. На кухне еще полно еды.

Цзян Шэнлинь согласился:

— Пожалуй.

Лань Янь мысленно переспросила: «Пожалуй?»

Цзян Шэнлинь и Чжу Яньинь проводили вместе целые дни, и совместные трапезы были для них обычным делом. Не видя в этом ничего предосудительного, целитель усадил Лань Янь рядом с собой. Дворецкий поспешил принести еще два комплекта приборов и велел приготовить лично для Лань Янь порцию сладкого тофу с цветками персика и миндалем — уверяя, что молодым девушкам это полезно для красоты и здоровья. Маленькая пиала для десерта была полупрозрачной, словно нефрит, и даже на ложечке красовался тонкий узор в виде персиковых лепестков.

Лань Янь:

— ...

«Погодите-ка... Кажется, теперь я понимаю, почему Божественный целитель Цзян так настойчиво звал меня пообедать за чужой счет!»

Она, как и Цзян Шэнлинь, принадлежала к числу тех людей, которые не знали нужды в деньгах, но и не испытывали интереса к праздным тратам. В сокровищницах Дворца Ваньжэнь серебро громоздилось горами, а Ли Сую было лень следить за расходами. По идее, она могла бы спокойно вывезти оттуда с десятков телег с богатствами, и никто бы не заметил, но к чему это? Ей и ее ежемесячного жалованья девать было некуда.

Однако стоило ей съесть первую ложку этого тофу с персиками и миндалем, как Лань Янь подумала: «А может, все-таки стоит вывезти пару телег серебра? Найму личного повара, пускай каждый день готовит мне такой десерт».

Чжу Яньинь впервые близко общался с девушкой-воительницей из цзянху. Она казалась ему точь-в-точь такой, как описывали в приключенческих романах: статная, красивая, решительная и наверняка невероятно искусная в боевых искусствах, раз уж служит самому Ли Сую. Заметив, что гостье пришлись по вкусу сладости, он подал знак дворецкому, чтобы тот велел приготовить еще несколько видов десертов и отнести прямо в комнату Лань Янь.

В этот момент со второго этажа спустился Ли Суй. Увидев, что в обеденном зале шумно трапезничает компания, он на мгновение помедлил, но быстро восстановил шаг и, не глядя ни на кого, вышел через боковую дверь постоялого двора.

Взгляд его был холоден, а полы черного одеяния развевались на ходу.

Казалось, на этом свете его не интересовало абсолютно ничего, кроме убийства Читяня.

И это было чистой правдой.

Человек, у которого осталась лишь половина жизни, но впереди еще лежали незавершенные великие дела, не имел права тратить время на пустую болтовню и веселые застолья.

Внезапно Чжу Яньинь один выбежал на улицу вслед за ним.

Ли Суй уже сидел верхом.

Чжу Яньинь спросил:

— Ты направляешься в лесную чащу за городом?

Ли Суй ответил:

— Да.

Чжу Яньинь протянул ему сверток из промасленной бумаги:

— Возьми, здесь несколько свежее испеченных слоеных пирожков с мясом. Хотя бы перекусишь по дороге.

Сквозь бумагу проступали масляные пятна, обещая, что пирожки хрустящие, ароматные и с сочной начинкой.

Ли Суй опустил на него взгляд и немного помолчал. Вопреки обыкновению, он протянул руку, но вместо свертка перехватил запястье юноши и легко затянул его к себе в седло.

Чжу Яньинь ахнул от неожиданности, а бежавший следом Чжу Чжан испуганно вскрикнул:

— Молодой господин!

Ли Суй приобнял его одной рукой, а правой резко взмахнул поводьями.

Конь Тисюэ Учжуй, словно на крыльях ветра, помчался к противоположному концу города.

— Я проголодался, — произнес Ли Суй. — Составишь мне компанию, поедим лапши.

Чжу Яньинь шурился от встречного ветра. Его волосы растрепались, а на душе скребли кошки от неловкости:

— ...Но у меня нет с собой денег.

Грудь Ли Суя слегка колыхнулась — возможно, он тихо усмехнулся.

— Ничего страшного.

Чжу Яньинь так и не понял, что означало это «ничего страшного» — то ли «не волнуйся, у меня есть деньги», то ли «не беда, уйдем не заплатив». Расспрашивать он не решился. К счастью, по заведенному порядку дворецкий должен был нагнать их с минуты на минуту. В крайнем случае у него на поясе висела нефритовая подвеска, так что до мытья посуды или, чего доброго, кровавой расправы над хозяином заведения дело точно не дойдет.

Ли Суй совершенно не разбирался в еде. Он просто предоставил Тисюэ Учжую бежать куда глаза глядят, пока конь наконец не остановился на углу какой-то старой улочки.

Чжу Яньинь обернулся и спросил:

— И что мы будем есть?

Ли Суй небрежно скользнул взглядом по обочине дороги:

— Да хотя бы здесь.

То была крошечная забегаловка под вывеской «Лапшичная свежей рыбы». Самый разгар обеденного времени, а внутри ни единой души — сразу видно, стряпня так себе. Потрясающе точный выбор!

— Поешь? — спросил Ли Суй.

— Поем, — согласился Чжу Яньинь.

В отсутствии посетителей имелись свои плюсы — по крайней мере, здесь было тихо. В меню значилось всего пять-шесть позиций. Чжу Яньинь заказал две миски лапши, три-четыре добавки-топпинга к ней, по тарелочке каждого вида закусок, а также кувшинчик местного вина из Ваньцзинчэна под названием «Весенний ветер».

Хозяин лапшичной, которому нечасто доводилось принимать гостей (тем более столь внушительного вида), не на шутку разволновался. Желая угодить, он применил все свое кулинарное мастерство — выражаясь языком цзянху, «вложил в это дело все тайные знания своей жизни». Однако вкус лапши все равно оказался весьма заурядным. Что поделать: кулинария, как и боевые искусства, требует врожденного таланта.

Тем не менее у Ли Суя аппетит оказался отменным: он в несколько глотков умял почти всю миску лапши с тушеными свиными ребрышками. Его рука, державшая палочки для еды, выглядела очень изящно: тонкие длинные пальцы без грубых мозолей — он совсем не походил на сурового мечника.

Чжу Яньинь какое-то время молча наблюдал за ним, сидя напротив, и вдруг его осенило.

Этот хозяин лапшичной — вылитый Лу Цин от мира кулинарии!

Раз уж Патриарх Лу, который до умопомрачения усердствовал в тренировках и в итоге остался хромым, забавлял Владыку дворца Ли...

...то и хозяин заведения, который годами корпел над плитой, чтобы в результате сварить невкусную лапшу, вполне мог показаться Владыке дворца Ли отличным поваром.

Всё сходилось.

Владелец лапшичной то и дело украдкой косился на их столик. Выглядел он при этом так подозрительно, что в любом романе о цзянху его непременно сочли бы коварным злодеем. Но на самом деле он был всего лишь простодушным трудягой-поваром, чье многолетнее кулинарное усердие наконец нашло своего ценителя. Подобно легендарным друзьям Боя и Цзыци, нашедшим душевный отклик в музыке друг друга, он пребывал в таком восторге, что готов был даже отказаться от платы за обед.

Ли Суй отложил палочки и бросил на хозяина короткий взгляд.

Чжу Яньинь мгновенно напрягся, боясь, что в следующую секунду столы полетят кувырком, а посуда разлетится в щепки.

Ли Суй приказал:

— Подойди.

Хозяин лапшичной, согнувшись в три погибели, засеменил к ним:

— Как вам еда, уважаемые гости? Все ли понравилось?

Чжу Яньинь уже приготовился звать на помощь слуг.

Но Ли Суй лишь швырнул на стол серебряный слиток и сухо обронил:

— Неплохо.

Чжу Яньинь:

— ...

Хозяин лапшичной обеими руками принял нежданное богатство, окончательно растерявшись. Нельзя сказать, что он был вне себя от восторга — скорее, ему казалось, будто все это происходит во сне. Чжу Яньинь испытывал похожее чувство нереальности происходящего: во-первых, лапша действительно была посредственной, а во-вторых, Владыка дворца Ли, который без тени раздражения позволял пялиться на себя в усердии, вызывал серьезные подозрения.

Поэтому Чжу Яньинь принялся еще пристальнее наблюдать за ним, опасаясь, не началось ли у того искажение ци.

Настроение Ли Суя, казалось, улучшилось еще больше. Он спросил:

— Что-то не так?

Чжу Яньинь тщательно взвесил слова:

— Я размышляю о том, что произошло в лесной чаще за городом.

— Одними размышлениями делу не поможешь, нужно увидеть все своими глазами, — Ли Суй поднялся из-за стола. — Пошли.

Еще во время обеда Чжу Яньинь ломал голову над тем, под каким предлогом напроситься с ним в лесную чащу. Он и подумать не мог, что тот сам предложит пойти вместе, поэтому поспешил следом, сорвавшись на легкий бег. Ли Суй шагал широко и быстро; утонченному молодому господину из Цзяннани, чтобы не отстать от него, приходилось изрядно торопиться.

— Молодой господин, — Чжу Чжан, который вместе с охраной уже довольно долго ждал снаружи, шагнул им навстречу, увидев выходящую пару. — Лошади готовы. Мы возвращаемся на постоянный дв...

Не успел он договорить, как Чжу Яньинь в очередной раз оказался затянут Ли Суем в седло. Тисюэ Учжуй, подобно свирепому вихрю, гордо вскинул голову и в мгновение ока скрылся за поворотом, оставив после себя лишь несколько кружащихся в воздухе листьев.

Верный старый дворецкий, давно привыкший к подобному, даже не вздрогнул: «Без паники, дело житейское. Все за ними!»

Улица была усыпана золотисто-багряными листьями. Тисюэ Учжуй пошел медленнее, и под его копытами раздался тихий шорох, похожий на шелест морозящего дождя.

Ли Суй спросил:

— Чему ты так радуешься?

Чжу Яньинь с улыбкой ответил:

— Думаю о том, что когда мы вернемся сегодня вечером, дядя Чжан наверняка снова примется меня отчитывать. Больше всего на свете у него голова болит, когда я разгуливаю без охраны.

— И при этом ты улыбаешься?

— Ну, он же не станет ругать меня по-настоящему. Так, поворчит немного, и всё.

Ли Суй оглянулся назад. Отряд охраны из усадьбы Чжу следовал за ними, держась на почтительном расстоянии. Ему уже доводилось иметь с ними дело — точнее говоря, те люди сами в одностороннем порядке бросались на него с обреченным видом, готовые пожертвовать жизнью ради спасения своего молодого господина. И хотя полноценного боя так и не состоялось, по их технике легкости и шагам можно было безошибочно определить, к какому ордену они принадлежат.

— Это Остров Бэйян.